

Не мучнистой бабочкою белой/ В землю я заемный прах
верну-/ Я хочу, чтоб мыслящее тело/ Превратилось в улицу, в
страну:/ Позвоночное, обугленное тело./ Сознующее свою длину.//
Возгласы темно-зеленой хвои./ С глубиной колодезной венки/
Тянут жизнь и время дорогое./ Опершись на смертные станки.-
/ Обручи краснознаменной хвои./ Азбучные, крупные венки!//
Шли товарищи последнего призыва/ По работе в жестких/
Пронесла пехота молчаливо/ Восклицанья ружей на плечах.//
И зенитных тысячи орудий-/ Карих то зрачков иль голубых-/
шли нестройно - люди, люди, люди.-/ Кто же будет продолжать
за них?// 1936

DE LOS *CUADERNOS DE VORONEZH*

Osip Mandelstam

Traducción del ruso: Jesús García Gabaldón

NO DEVOLVERÉ a la tierra como mariposa blanca
De harina la ceniza prestada.
Deseo que el cuerpo que piensa
Se convierta en calle, en país:
El cuerpo vertebrado, carbonizado,
Consciente de su extensión.

Apoyándose en caballetes de muerte,
Exclamaciones de verdeoscuroas coníferas
Y coronas profundas como pozos
Dilatan la vida y el tiempo amado.
¡Oh, cercos de coníferas con la bandera roja,
grandes coronas de letras!

Los camaradas de la última leva iban
Al trabajo en los duros cielos,
La infantería llevaba en silencio
Las exclamaciones, fusiles al hombro.

Y millares de piezas de la artillería antiaérea—
De pupilas marrones o azules—
Caminaban en desorden-gente, gente, gente—
¿Quién seguirá tras ellos?

21 de julio de 1935 - 30 de mayo de 1936

TODAVÍA no estás muerto. Todavía no estás solo.
Con tu amiga la mendiga
Gozas de la grandeza de las llanuras,
De la niebla, del frío y de la nevada.

Vive tranquilo y consolado
En la pobreza opulenta, en la miseria poderosa.
Son benditos los días y las noches
Y es inocente la fatiga dulce y sonora.

Infeliz aquel que, como su sombra,
Teme el ladrillo y maldice al viento.
Y miserable aquel que, medio muerto,
Pide limosna a su propia sombra.

15-16 de enero de 1937

Еще не умер ты. Еще ты не один./ Покуда с нищенкой-
подругой/ Ты наслаждаешься величием равнин./ И мглой, и
холодом, и вьюгой./ В роскошной бедности, в могучей нищете/
Живи спокоен и утешен -/ Благословенны дни и ночи те./ И
сладкогласный труд безгрешен./ Несчастлив тот, кого, как тень
его,/ Пугает лай и ветер косит./ И жалок тот, кто, сам полуживой./
У тени милостыни просит./ 1937

ARMADO con la vista de puntiagudas avispas
Que succionan el eje terrestre, el eje terrestre,
Huelo todo lo que me es dado ver
Y hago memoria en vano...

No dibujo, no canto
Y no llevo el arco de una voz negra:
Sólo absorbo la vida y me gusta
Envidiar a las avispas, fuertes, astutas.

O, si evitando el sueño y la muerte,
El aguijón del aire y el calor del verano,
Pudieran obligarme a sentir
El eje terrestre, el eje terrestre...

8 de febrero de 1937

Вооруженный зреньем узких ос./Сосущих ось земную, ось
Земную./Я чую всё, с чем свидеться пришлось./И вспоминаю
наизусть в все...//И не рисую я, и не пою./И не вожу смычком
черноголосым./ Я тольков жизнь впиваюсь и люблю./Завидовать
могучим, хитрым осам.//О, если б и меня когда-нибудь могло/
Заставить, сон и смерть минуя./Стрекало воздуха и летнее
тепло/ Услышать ось земную, ось земную...// 1937

No compares: lo que vive no es comparable.
Con suave temor
Acepté la igualdad de las llanuras
Y el círculo del sol me hirió.

Me dirigí al aire que sirve.
Esperaba de él favores o noticias
Y me preparé para partir y floté en el arco
De los viajes que no empiezan...

Estoy dispuesto a errar en busca de más cielo,
Pero una clara nostalgia me impide partir
Desde las colinas todavía jóvenes de Voronezh
Hacia las claras y universales de Toscana.

16 de marzo de 1937

Не сравнивай: живущий несравним./ С каким-то ласковым испугом/ Я согласился с равенством равнин./ И неба круг мне был недугом./ Я обращался к воздуху-слуге./ Ждал от него услуги или вести./ И собирался в путь, и плывал по дуге/ Неначинающихся путешествий...// Где больше неба мне - там я бродить готов./ И ясная тоска меня не отпускает/ От молодых еще воронежских холмов/ К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.// 1937

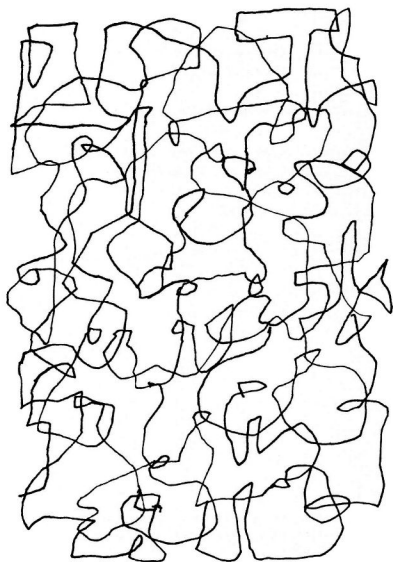
Llevo a mis labios este verdor-
este viscoso juramento de hojas,
esta tierra perjurada:
madre de campanillas, arces y robles.

Mira cómo me hago fuerte y me quedo ciego
Obedeciendo a las raíces humildes,
¿acaso no es excesivo el esplendor
del parque y sus ruidos?

Y las ranas, como bolitas de mercurio
Se juntan en una esfera con las voces
Y las ramas son ramos
Y el vapor, invención láctea.

30 de abril de 1937

Я к губам подношу эту зелень./ Эту клейкую клятву листов./ Эту
клятвопреступную землю./ Мать подснежников, кленов,
дубков.// Погляди, как я крепну и слепну./ Подчиняясь
смирненным корням./ И не слишком ли великолепно./ От гремучего
парка глазам?// А квакуши, как шарики ртути./ Голосами
сцепляются в шар./ И становятся ветками прутья./ И молочной
выдумкой пар.// 1937



Redes para acercar el vacío, 3